

ГУМАНИЗМ, ПОСТТРАДИЦИОННОСТЬ И СЕКУЛЯРИЗМ КАК ТРИ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО НАРЦИССИЗМА

Илларионов Григорий Андреевич,

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии

Сибирского федерального университета,

Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79

ORCID: 0000-0002-1676-3796

bromov1917@yandex.ru

Кудашов Вячеслав Иванович,

доктор философских наук, профессор,

профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук

Красноярского государственного медицинского университета

им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого,

Россия, 660022, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1

ORCID: 0000-0001-7009-8179

vkudashov@mail.ru

Аннотация

Статья является критическим ответом на статью профессоров П.А. Ореховского и В.И. Разумова «Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики». Идея рассмотрения западной послевоенной культуры как нарциссической высказывается в США с 70-х гг. XX в., но будет актуальной и применительно к постсоветской культуре России. Неоднозначность когнитивной метафоры Нарцисса применительно к описываемым социокультурным трансформациям вызвана возможностью практически произвольной интерпретацией чего-либо как нарциссизма. В статье представляется собственная трактовка оснований нарциссической культуры. Следуя идее противопоставления нарциссической культуры культуре служения, нарциссизм современности рассматривается не столько как эгоизм индивида, сколько как потеря им объекта и возможности служения. Секуляризм, понимаемый в духе Ч. Тейлора как потеря любых высших, трансцендентных, иерархических онтологических представлений, лишает человека высшей инстанции, легитимирующей какое-либо служение чему-либо. Это означает горизонтальную онтологию равнозначных объектов, не обладающих по отношению к индивиду высшей ценностью. Посттрадиционность означает непостоянство, «текучесть»

любых институционализированных форм социальности и их восприятия, динамика появления и упадка которых не позволяет индивиду обрести объект служения. Человек остается в условиях «минимального гуманизма», что означает, что он сам, не имея ни высшей реальности, его определяющей, ни постоянства социальных институций, остается для себя единственной возможной ценностью, своеобразным «нарциссом поневоле». Также мы полагаем нарциссизм не внешним, а внутренним фактором общественных процессов, составляющим мотивы и интересы участников этих процессов. Соглашаясь с тезисом о связи нарциссической культуры с постмодерном, мы полагаем, что она не является «молодой культурой» противоположной массовому обществу. Напротив, нарциссическая культура есть культура массового общества, зашедшего дальше по пути секуляризма, посттрадиционности и гуманизма, подобно тому как постмодерн называют поздним, далеко зашедшим модерном такие социологи, как Э. Гидденс, У. Бек, Ю. Хабермас.

Ключевые слова: нарциссическая культура, секуляризация, посттрадиционность, гуманизм, массовое общество, постмодерн, поздний модерн, когнитивные метафоры.

Библиографическое описание для цитирования:

Илларионов Г.А., Кудашов В.И. Гуманизм, посттрадиционность и секуляризм как три основания современного нарциссизма // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 1. – С. 164–179. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-164-179.

Введение

В статье «Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики» профессоров П.А. Ореховского и В.И. Разумова [8] рассматривается влияние выделяемых ими культурных форм на состояние социальных институтов. Их подход видится схожим с теорией фигураций Н. Элиаса, который представлял социальное поведение в виде набора схем-фигураций, производимых культурой, – своеобразных декораций, включающий и индивидов, и группы, и природные и антропогенные материальные объекты [17]. Эти культурные фигурации обладают принудительной силой по отношению к поведению индивида, силой, которая не является следствием его собственных мотивов и опыта. Нарциссизм выступает в статье в качестве подобной фигурации, определяя модели поведения людей и детерминируя тем самым актуальное состояние социальных институтов. Мы позволим себе высказать критику подхода уважаемых профессоров, основным мотивом которой будет прояснение нашего взгляда на нарциссические интенции современной культуры, их причины и их динамику.

Мифологическая фигура Нарцисса уже давно вошла в арсенал когнитивных метафор. О нарциссическом характере культуры применительно к послевоенным США писал философ и социолог К. Лэш; можно вспом-

нить выдвигаемую время от времени метафору «движения от Эдипа к Нарциссу». Но если под нарциссическим расстройством личности в психологии подразумевают нечто относительно определенное, то четкого значения понятия «нарциссическая культура» на данный момент мы не обнаруживаем. Не обнаруживается оно и в статье П.А. Ореховского и В.И. Разумова. Чаще всего под «нарциссической культурой» подразумевается некое явление доминирующего индивидуализма и эгоизма, которое образует социум «тех, кто занят только собой и интересуется другими лишь постольку, поскольку они являются эхом его собственной персоны» [12, с. 51].

Проблемы метафоры Нарцисса

Проблема метафоры Нарцисса для объяснения социальных процессов, в том числе в том виде, в котором это делают П.А. Ореховский и В.И. Разумов, заключается в двух аспектах. Первый аспект – ее произвольный и относительный характер. Второй – спорное соответствие ее реалиям тех институтов, о которых идет речь в статье, в частности, российской высшей школы или политики.

Мы считаем, что практически любые социокультурные явления могут быть интерпретированы как проявление нарциссизма и нарциссической культуры. Например, П.А. Ореховский и В.И. Разумов говорят об абсентеизме как проявлении нарциссической культуры. Действительно, можно таким образом трактовать это распространенное явление современного социума. Нарциссы столь заняты собой и всем связанным лично с ними, что не имеют желания и интереса в общественном служении. Однако абсентеизм можно объявить и проявлением смирения, заменив Нарцисса Иовом, а нарциссизмом провозгласить деятельность многочисленных социальных и политических активистов, создающих в современном поле постоянный информационный шум вокруг реальных и мнимых проблем, но ограничивающихся привлечением внимания к себе. Схожим образом упадок экспертной деятельности, которую П.А. Ореховский и В.И. Разумов, а до них и К. Лэш выделяют в качестве атрибута нарциссической культуры, можно представить как нарциссические сообщества самих экспертов, требующих для себя привилегированного положения на основании наличия у них некоторых «компетенций». Сами эти компетенции могут быть утверждены в качестве таковых либо социально-статусным принуждением, как в случае взаимодействия преподавателей и студентов, либо теоретическими аргументами, которые могут легко быть отвергнуты любым не разделяющим начальных посылок экспертов [14].

Иными словами, нарциссизм, если говорить о нем как о социологическом явлении, может быть развернут как угодно, и обнаружить его можно где угодно, поскольку метафора Нарцисса слишком гибка и широка.

Нарциссизм в высшем образовании

Когда речь заходит о нарциссизме как факторе трансформации высшей школы, в качестве иллюстрации приводится неуважение студентов к преподавателям, обладающим большим знанием и более высоким статусом. Но подобный тезис можно легко счесть проявлением нарциссизма преподавателей, а также вспомнить «идолов театра» Ф. Бэкона. Но важнее, на наш взгляд, другое: если считать нарциссическую культуру индивидуализмом людей, думающих только о себе и о других как отражении себя, трудно представить институт, более противоположный таким интенциям, чем современная высшая школа.

Российское массовое образование распалось в настоящее время на три чуждые друг другу реальности, каждая из которых функционирует согласно своей внутренней парадигме. Административная реальность образования подчинена управленческо-экономическим максимам производства показателей деятельности, где студенты и преподаватели – сопротивляющийся материал, который необходимо подвергнуть «обработке», т. е. регуляции нормативно-правовыми актами и экономическим принуждением, порождая знаковую реальность мало коррелирующих с реальной практикой образования «стандартов», «компетенций» и т. п. Аморфная корпорация преподавателей руководствуется преимущественно максимам образования индустриальной эпохи, в которой они призваны учить «уважению к авторитету, дисциплине мышления, культуре дискуссий» [8, с. 90], что чуждо студентам постиндустриальной эпохи этически и чуждо администраторам образования практически. Студенты и вовсе живут в особой реальности, в которой они подвергаются истязаниям, суть и цель которых им недоступны. Некоторые испытания, подобно ЕГЭ, созданы из управленческих потребностей, самим студентам абсолютно чуждых, а некоторые рождены из столь же чуждых им этических убеждений некоторых преподавателей, нацеленных на важность усвоенных ими содержательных ценностей их дисциплин.

Такой симбиоз враждебных реальностей противоречит нарциссизму, ведь его суть в постоянном принудительном помещении людей в чуждые им реальности, где «Я» находится под жестким давлением Другого. Аналогично спорным видится утверждение о нарциссизме современной политики и абсентеизме как имманентном свойстве нарциссической культуры. Так, противоположный абсентеизму агрессивный презентеизм в виде политического активизма может быть объявлен имманентным свойством нарциссической культуры в неменьшей степени.

Смысл нашей критики тех или иных утверждений относительно нарциссической культуры приводит к суждению о том, что когнитивная ме-

тафора Нарцисса малопригодна для объяснения социальных фактов, социальных институтов, социальных действий, социальных групп. Нарциссизмом можно провозгласить практически что угодно: можно говорить о современной плюральной культуре как о нарциссизме в той же степени, в которой Августин Аврелий обличает нарциссизм мирского и человеческого вообще [1], или, скажем, говорить о фашизме как нарциссической культуре, как это делал У. Эко в эссе «14 признаков фашизма» [16].

Когда К. Лэш еще в 70-е гг. XX в. выдвинул описание нарциссической культуры послевоенных США, его книги стали бестселлерами, однако использовались для продвижения абсолютно взаимоисключающих тезисов. Американские консерваторы делали вывод об упадке института семьи и необходимости укрепления патриархальных отношений для сдерживания разрушительного нарциссизма; «новые левые» использовали критику нарциссической культуры для обоснования своих гуманистических проектов; религиозные деятели нью-эдж видели в нарциссической культуре секуляризм и т. д. Значит ли это, что мы отмечаем концепцию нарциссического общества? Вовсе нет, поскольку при всей ее неконкретности неразумно будет отрицать, что проявления нарциссизма в современном социуме настолько очевидны и носят столь массовый характер, что наглядно представлены в крайне популярной медийной реальности социальных сетей. Поэтому исключение метафоры нарциссизма из арсенала объяснений современной культуры будет эпистемической потерей.

Нарциссическая культура

Концепт нарциссической культуры обретет свои основания лишь в том случае, если мы выявим и определим их, но, называя нарциссическую культуру социальным явлением, мы сталкиваемся с выше обозначенной проблемой – любое социальное явление можно при желании обосновать как нарциссическое. П.А. Ореховский и В.И. Разумов рассматривают нарциссическую культуру как некую «наступающую» силу, преобразующую социальные институты, существовавшие и функционирующие до нее. С нашей же точки зрения, нарциссизм есть явление скорее интересубъективное – это переживания людей, пребывающих внутри этих институтов, когда у них не остается иного ориентира и иного объекта служения, нежели они сами. Иными словами, мы предполагаем посмотреть не на то, как эгоцентризм и плюрализм людей меняет политику, науку и высшую школу, а на людей, которым политика, высшая школа и плюрализм не оставляют ничего, кроме них самих.

Мы предполагаем выделение трех оснований того, что делает современную культуру нарциссической, ставя вопрос феноменологически: почему у современного человека в его жизненном мире не осталось ничего,

кроме его самого и нарциссических отношений с остальным миром, как с поверхностью воды, в отражении которой видел только себя Нарцисс.

Профессора П.А. Ореховский и В.И. Разумов в своей мысли о нарциссической культуре явно противопоставляют ей максимум «служения». Более того, путем деконструкции идеи о служении они иллюстрируют саму нарциссическую культуру. Однако они не идут дальше, лишь указывая на особенность эгоистического характера нарциссической культуры – отказ человека «служить». Мы же предлагаем рассмотреть, как человек лишается своего объекта «служения» и оказывается в ситуации, в которой он не сможет служить ничему, кроме себя.

Как нечто может обладать статусом объекта «служения»? Объект «служения» может обосновываться онтологически, как принадлежащий к высшей по отношению к жизненному миру человека реальности, недоступной чувственному познанию. Или этот объект «служения» может быть обоснован как являющийся таковым в силу исторически сложившегося коллективного опыта взаимодействия с миром, закрепленного и передаваемого через поколения, иными словами – в силу традиции. Массовое общество, конечно, позиционирует себя как преодолевающее традицию, в духе идеи рационализации социальной жизни М. Вебера, однако к настоящему времени современные идеологии и их социальная реализация сами по себе стали традициями, а кроме того, как показывают многочисленные критические социальные теории, несут в себе формы предшествующих модерну социальных структур.

С нашей точки зрения, индивид нарциссического общества, возникающего во второй половине XX в., лишен обоих способов обоснования объекта «служения». Утрачены как онтологический, так и исторический способ легитимации любого служения, сохраняясь лишь в тех социальных институтах, которые по-прежнему функционируют на основании глубоко архаических структур. Такое состояние может быть описано с помощью двух соответствующих концептов – секулярности и посттрадиционности.

Секулярность

Что мы понимаем под секулярностью? Чаще всего о ней говорят только социологически, как о процессе снижения роли религиозности в обществе. Однако мы используем это понятие шире: близко к тому, как его рассматривал Ч. Тейлор. В своей известной работе он отмечает, что «движение к секулярности представляет собой, среди прочего, переход от общества, где вера в Бога была чем-то само собой разумеющимся и не подвергалась по сути ни малейшим сомнениям, к такому обществу, где веру рассматривают как один из возможных, наряду с другими, вариантов выбора, причем очень часто такой выбор оказывается не самым легким» [11, с. 4].

Тейлор постоянно и настойчиво доказывает, что западная модерность вместе с характерной для нее секулярностью является результатом и в какой-то мере социально-культурным конструктом новых способов понимания человеком самого себя, не присущих предыдущим эпохам. По его мнению, секулярной можно назвать эпоху, когда самодостаточный (или эксклюзивный) гуманизм «становится вариантом выбора, доступным для широких масс – каким он никогда не был в древнем мире, где его принципы разделяло лишь незначительное меньшинство элиты» [11, с. 25].

Секулярное общество – это общество плоской онтологии, не предполагающей наличие каких-либо иерархий реальностей, где всё пребывает в общем континууме не имеющих сверхчувственных оснований объектов и не имеющего высших инстанций человека. Массовое общество первой половины XX в. еще не было в полной степени секулярно, поскольку дисциплина массового человека неизменно поддерживалась наличием высшей сверхчувственной инстанции, «служение» которой легитимировалось тотальными массовыми идеологиями. Для советского массового общества высшей по отношению к обыденному жизненному миру выступала сверхчувственная реальность исторических сил развития, легитимируя «служение». Американское массовое общество было легитимировано сложным сочетанием культурных практик, метко названных социологом религии Р. Беллой «американской гражданской религией» [4].

Во второй половине XX в. секулярность достаточно укрепились в недоверии к метанарративам, что фактически означало прекращение попыток общественной трансценденции к каким-либо высшим по отношению к обыденной реальностям, будь то явная религиозность или те или иные формы скрытой религиозности. Секуляризм последовательно помещает человека в плоский мир объектов и отношений, не имеющих иерархически выстроенной структуры ценностных приоритетов. «Служение» требует онтологического неравенства, которое отсутствует в горизонтальной онтологии.

И даже «смерть экспертизы», о которой пишут П.А. Ореховский и В.И. Разумов, предстает последовательным результатом секуляризации. Мнение эксперта-ученого приоритетнее мнения «эксперта»-актера, поскольку ученый представляет институт науки, который стоит в сциентистском массовом обществе выше, чем институт актерского искусства, подобно тому как мнение священника как сопричастного сакральной реальности приоритетнее по отношению к мнению мирянина. В секулярном мире плоской онтологии иерархии нет, поэтому приоритет ученых или актеров становится вопросом самопрезентации, в чем актеры явно более компетентны. Когда массовая культура «расколдовывала» мир, заменяя премодерные религиозные высшие реальности собственными ква-

зирелигиозными высшими реальностями истории, прогресса и познания, инерция этого процесса ликвидировала и ее саму, расколдовав расколдовывателя, чему служила, в частности, вся критическая социальная теория таких «экспертов», как Х. Арендт или Г. Маркузе, и вся современная мысль «новых левых».

Иными словами, нарциссическая культура – это секулярная массовая культура, прошедшая свой путь до конца, которая в развенчании мифов развенчала любую иерархическую онтологию вообще, оставив место только чувственно воспринимаемому миру и направленным к нему желаниям человека. Любая апелляция к высшей реальности становится делом индивидуальным, легитимированным не онтологически понимаемой иерархией реальностей, а персональным выбором в сторону той или иной онтологии.

Посттрадиционность

Впрочем, можно предвидеть, что наше суждение о секулярности как основании нарциссизма может быть деконструировано указанием на вторичность, историческую обусловленность любых «высших реальностей», легитимирующих противоположную нарциссизму культурную практику «служения». Это требует от нас введения другого основания нарциссической культуры, которое мы обозначим как посттрадиционность. Под традицией мы понимаем в данном случае совокупность имманентных самой культуре закрепленных культурных форм, воспроизводимых социумом во времени. О традиции можно говорить применительно к какой-либо конкретно исторической совокупности, и тогда речь будет идти, например, о традиции христианской, русской, марксистско-ленинской или либеральной. Или можно говорить о традиции как о самом процессе и механизме общественного воспроизводства, исторически подвижном и изменчивом культурном континууме. Кроме того, традиция включает в себя не только ее явный уровень в виде обычаев и институтов, но и скрытый уровень, заключающийся в воспроизводстве способов понимания мира и самой себя.

Традиция, несомненно, является сильным легитиматором любой формы «служения». Кроме того, утверждать, что традиция исчезает из социума, будет просто абсурдом, ведь это означает утверждать, что воспроизводство культуры прекращено. Что же тогда подразумевается под посттрадиционностью, о которой пишут такие авторы, как Э. Гидденс и В. Нойзер?

Если традиция выражает собой закрепленные формы культуры, то посттрадиционность есть состояние хронической незакрепленности, подвижности любых способов действия, восприятия и оценки. Посттрадиционное общество можно сравнить со зданием, проект которого бесконечно пересматривают и конструкции переделывают из-за функционального и

эстетического устаревания прежде, чем здание бывает завершено. Традиция, независимо от взглядов на ее природу и способы функционирования, представала для индивида не зависящей от него основой социальной реальности, имеющей принудительный характер. «Прошлое давит, тяготит, шантажирует» – так характеризует традицию У. Эко [15 с. 42]. Оно же и заставляет «служить» тому, что предшествует человеку, будь то народ, класс, прогресс, раса или что-либо другое, поскольку выступает условием и источником жизни индивида, и через него прошлое продолжает себя в будущем в континууме воспроизводства культуры.

Посттрадиционность была выражена З. Бауманом в метафоре «текущей современности» [3], где социум не имеет постоянных форм и институций, всё динамично и подвижно. Имея в виду метафору консервативных мыслителей традиции как почвы, на которой растет индивид, можно сказать, что посттрадиционность – это затопление почвы, превращение ее в поток. Возможно ли «служение» народу тогда, когда способы понимания того, что есть этот самый «народ», меняются быстрее, чем успевают стать традицией, и на протяжении жизни одного человека способы восприятия мира успевают появиться как авангард, устареть как ретроградство и быть преодолены новым авангардом?

Вспоминая мифопоэтический образ Неба и Земли [6] и Человека между ними, мы можем назвать нарциссическую культуру таким состоянием, в котором Человек утратил и Небо – высшую реальность, законодателя и судьбу его деятельности, и Землю – традицию как закрепленные и не зависящие от его личной воли социальные условия его существования. Массовое общество, дисциплину которого П.А. Ореховский и В.И. Разумов противопоставляют нарциссизму современности, не лишено Неба и Земли, и в посттрадиционном обществе они сохраняются в тех институтах, где архаика наиболее сильна. Это, прежде всего, институты армии и спецслужб, в которых ритуальность и «культура чести» близка к тому, как ее описали социологи Р. Нисбетт и Д. Коэн [18], а также криминальные субкультуры, некоторые этнические и конфессиональные культуры. В тех фрагментах культуры, где секуляризм и посттрадиционность уже породили «расколдованный мир», у человека более не остается иного объекта служения, кроме себя самого. А это приводит нас к третьему основанию нарциссической культуры – гуманизму.

Гуманизм

Что мы подразумеваем под гуманизмом в данном контексте? Определенно не христианский гуманизм Возрождения или этический гуманизм Канта, построенные вокруг трансцендентного, и не гуманизм индустриальной эпохи, опирающийся на метафизику иерархии требующих удовлетво-

рения потребностей. Мы имеем в виду, скорее, некоторый минимальный гуманизм, когда деконструированы внешние по отношению к самому человеку категории, с которыми он мог бы себя соотносить и которые могли бы выступать объектом «служения»: Бог, класс, народ, род, прогресс, истина и т. п. В.С. Соловьев начинает свои «Чтения о богочеловечестве» словами «интересы современной цивилизации – это те, которых не было вчера и не будет завтра» [10]. Аналогично и минимальный гуманизм – это интенция к высшей ценности человека, за отсутствием иных ценностей, которые могли бы быть приняты в качестве таковых. Человек не «служит», поскольку сам выступает единственной инстанцией наделения чего-либо ценностью как объекта «служения», а потому эти объекты легитимны настолько, насколько признаются служащими человеку.

Разворачивая наше суждение на злободневных и близким всем нам примерах университетской жизни, напомним, что студенты не уважают преподавателей, преподаватели презирают студентов, а управленцы осуществляют административно-экономическое насилие над теми и другими по причине того, что ценности каждой из групп легитимированы только ими самими, и предстают иной группе нарциссическим произволом. Какая ценность может объединить университетское сообщество, когда представления о целях и смыслах университета изменяются быстрее, чем успевают быть приняты: он то хозяйственный элемент рынка, оказывающий образовательные услуги на благо утилитарных задач корпораций и регионов, то строгий воспитатель, приобщающий к высокой интеллектуальной культуре, то научно-технический авангард «цифровизации», «декарбонизации» и чего угодно другого?

Это ценности, которых «не было вчера и не будет завтра», «служить» которым невозможно из-за их непостоянства. Поэтому человек в университете остается наедине с самим собой и службой самому себе согласно системе ценностей, которую извлекает сам из себя. Поэтому для студента его собственное мнение и мнение опытного ученого равноценно: мнение студента служит студенту так же, как мнение преподавателя служит преподавателю, между ними нет высшей реальности, способной их рассудить. Можно назвать это опошленной реализацией «заботы о себе», как ее описывал М. Фуко [13]. И если сегодня многие индивиды уверены в экологической ценности чистоты воздуха сибирских городов, завтра же со вчерашним энтузиазмом они будут утверждать, что этим следует поступить ради экономического роста путем количественного увеличения промышленного производства.

Целью нашего рассуждения является тезис о том, что нарциссическая культура есть не наступление эгоизма. Это, напротив, отступление всех форм культуры, что могли бы дать человеку иное содержание деятельно-

сти, кроме «служения» самому себе. В этом смысле позитивные проекты, от построения которых воздерживаются П.А. Ореховский и В.И. Разумов, невозможны иначе, как в виде эгоистического продвижения собственных индивидуальных или групповых интересов.

Аргументом в пользу того, что нарциссизм современности есть не самолюбование, а потеря иных объектов любви, кроме себя и всего остального как зеркала себя, служит обстоятельство, что составной частью нарциссической культуры является ее самопреодоление, негативный по отношению к ней самой поиск «служения». Примечательно, что нарциссическая культура была проблематизирована одновременно с собственным возникновением и в течение всего времени своего существования непрерывно порождала проекты своего преодоления, обретения объекта «служения». Укажем лишь на наиболее известные: лоскутное религиозное движение «нью-эйджа», различные версии интегрального традиционализма и движения национального, этнического или религиозного «возрождения», воукизм «новых левых», разнообразные экологические движения и т. д. Разумеется, все эти движения быстро встраивались в рынок и занимали свое место в посттрадиционном обществе, однако показательна сама интенция. Подобная интенция явно видна и в рассматриваемой нами статье, где основным обвинением в адрес нарциссов является абсентеизм, что для современной России является наиболее распространенной формой стремления к преодолению нарциссизма.

Заключение

Можно заметить, что наши рассуждения не столько опровергают мысль профессоров П.А. Ореховского и В.И. Разумова, сколько проводят ее инверсию. Нарциссическую культуру, которую они называют «внешним фактором, меняющим ход всех общественных процессов», мы полагаем фактором внутренним, составляющим мотивы и интересы участников этих процессов. «Толерантность и всеядность нарциссической культуры» мы считаем, продолжая метафору, не «дурным вкусом» Нарцисса, а тем, что его культурная «пицца» одинакова на вкус. Нарциссическая культура связана с постмодерном, но она вовсе не молода, она является главной особенностью массового общества, зашедшего дальше по пути секуляризма, посттрадиционности и гуманизма, подобно тому как постмодерн называют поздним, далеко зашедшим модерном такие социологи, как Э. Гидденс, У. Бек, Ю. Хабермас.

Так мы приходим к завершающей мысли нашего рассуждения. Если предположить, что нарциссическая культура такова, какой мы ее описали, то какой может быть динамика ее развития? Мы согласны с П.А. Ореховским и В.И. Разумовым в том, что она тесно связана с постмодерном. Но

мы согласны и с теми, кто, подобно У. Эко, говорит о том, что постмодерн современности – это не первый постмодерн в мировой истории. Европейская история уже знала постмодерн поздней Античности, сопровождавшийся своеобразной секуляризацией языческой культуры и посттрадиционностью распадающихся институций. Поздняя Античность чаще всего ассоциируется с ее итогом – гибелью античного мира, что кажется противоположным процветанию современности, однако вспомним, что и разложение Античности включало в себя великолепие и процветание эпохи Антонинов.

Трудно сказать, на каком этапе распада проекта модерна мы сейчас находимся. Возможно, он еще не дошел до своего финала и ему еще предстоит новые «золотые века». Вероятно, что «базовый безусловный доход» станет новым «хлебом», а социальные сети обеспечат «зрелища», которые стабилизируют секулярную посттрадиционную гуманистическую культуру. Однако наш главный тезис заключается в том, что нарциссическая культура есть не молодость нового мира, а старость всё того же массового общества. И, продолжая аналогию с поздней Античностью, в неуважении студентов к высокой культуре преподавателей можно увидеть не только культурный идиотизм, но и новый кинизм, а в абсентеизме экспертов – не только индивидуализм, но и новое эпикурейство.

Литература

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. История моих бедствий / П. Абеляр. – М.: Республика, 1992. – 335 с.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 416 с.
3. *Бауман З.* Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
4. *Белла Р.Н.* Гражданская религия в Америке / пер. с англ. С.Б. Веселовой, Е.А. Егорова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15, № 3. – С. 162–182.
5. *Горичева Т., Орлов Д., Секацкий А.* От Эдипа к Нарциссу. Беседы. – СПб.: Алетейя, 2001. – 224 с.
6. *Кочаров П.А.* О мифопоэтических представлениях, отраженных в индоевропейских обозначениях неба и земли // Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX. – СПб., 2005. – С. 123–128.
7. *Нойзер В.* Структурные изменения в посттрадиционном обществе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 2-1. – С. 20–24.
8. *Ореховский П.А., Разумов В.И.* Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1 – С. 84–102. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.

9. *Разинов Ю.А.* От Эдипа к Нарциссу: по краям общества потребления // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2019. – № 1 (25). – С. 3–14.
10. *Соловьёв В.С.* Чтения о богочеловечестве // Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трёх разговоров»: краткая повесть об Антихристе / сост. и примеч. А.Б. Муратова. – СПб.: Художественная литература, 1994.
11. *Тэйлор Ч.* Секулярный век. – М.: ББИ, 2017. – 967 с.
12. *Фрамм Э.* Душа человека: пер. с нем. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
13. *Фуко М.* История сексуальности – III: Забота о себе. – Киев: Дух и литера: Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – 282 с.
14. *Фуллер С.* Постправда: знание как борьба за власть. – М.: Высшая школа экономики, 2021. – 368 с.
15. *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. – М.: Книжная палата, 1989. – С. 427.
16. *Эко У.* Пять эссе на темы этики. – СПб.: Symposium, 2003. – 159 с.
17. *Элиас Н.* Общество индивидов. – М.: Праксис, 2001. – 336 с.
18. *Cohen D., Nisbett R.* Self-Protection and the Culture of Honor: Explaining Southern Violence // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1994. – Vol. 20. – P. 551–567.
19. *Lasch C.* The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations. – New York: Norton, 1979. – 268 p.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021.

Статья прошла рецензирование 26.12.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-164-179

HUMANISM, POST-TRADITIONALISM AND SECULARISM AS THREE FOUNDATIONS OF CONTEMPORARY NARCISSISM

Illarionov, Grigory,

*Cand. of Sc. (Philosophy), Associate Professor
Department of Philosophy, Siberian Federal University,
79 Svobodny Avenue, 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1676-3796
bromov1917@yandex.ru*

Kudashov, Vyacheslav,

*Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,
Professor, Department of Philosophy and Social Sciences
Prof. V.F. Vojno-Yasnetsky Krasnoyarsk State Medical University,
1 Partisan Zheleznyak Street, 660022, Krasnoyarsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7009-8179
vkudashov@mail.ru*

Abstract

This paper is a critical response to the article by professors P.A. Orekhovsky and V.I. Razumov “The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science and Politics”. The idea of treating Western post-war culture as narcissistic has been expressed in the United States since the 1970s of the XX century, but it will also be relevant in relation to the post-Soviet culture of Russia. Considering the ambiguity of the cognitive metaphor of Narcissus in relation to the described socio-cultural transformations caused by the possibility of an almost arbitrary interpretation of something as narcissism, the article presents its own interpretation of the foundations of narcissistic culture. Following the idea of opposing a narcissistic culture to a culture of service, modern narcissism is viewed not so much as an individual’s selfishness, but as a loss of an object and opportunity for service. Secularism, understood in the spirit of Charles Taylor as the loss of any higher, transcendent, hierarchical ontological concepts, deprives a person of a higher authority that legitimizes any service to something. This means a horizontal ontology of equivalent objects that do not have the highest value in relation to the individual. Post-traditionalism means impermanence, “fluidity” of any institutionalized forms of sociality and their perception, the dynamics of the emergence and decline of which does not allow the individual to find an object of service. A person remains in conditions of “minimal humanism”, which means that this person, having neither a higher reality that determines it, nor the constancy of social institutions, remains for himself the only possible value, a kind of “narcissist against his will”. We also believe that narcissism is not an external, but an internal factor of social processes that constitutes the motives and interests of the participants in these processes. While agreeing with the thesis about the connection between narcissistic culture and postmoder-

nity, we believe that it is not a “young culture” opposite to mass society. On the contrary, narcissistic culture is the culture of a mass society that has gone further along the path of secularism, post-traditionalism and humanism, just as postmodernity is called late, far-reaching modernity by such sociologists as E. Giddens, U. Beck, Ju. Habermas.

Keywords: narcissistic culture, secularization, post-traditionalism, humanism, mass society, postmodernity, late modernity, cognitive metaphors.

Bibliographic description for citation:

Illarionov G., Kudashov V. Humanism, Post-Traditionalism and Secularism as Three Foundations of Contemporary Narcissism. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 2, pt. 1, pp. 164–179. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-164-179.

References

1. Augustine Aurelius. *Ispoved'* [Confession]. Abelard P. *Istoriya moikh bedstviy* [The Story of My Misfortunes]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 335 p. (In Russian).
2. Anderson B. *Voobrazhayemyye soobshchestva* [Imaginary communities]. Moscow, Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2001. 416 p. (In Russian).
3. Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge, Polity Press, Malden, Blackwell, 2000 (Russ. ed.: Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'*. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p.).
4. Bellah R.N. *Grazhdanskaya religiya v Amerike* [Civil religion in America]. Transl. by S. Veselova, E. Egorov. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii = Review of the Russian Christian Academy for humanities*, 2014, vol. 15, no. 3, pp. 162–182. (In Russian).
5. Goricheva T., Orlov D., Sekatskii A. *Ot Edipa k Nartsissu. Besedy* [From Oedipus to Narcissus. Conversations]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2001. 224 p.
6. Kocharov P.A. [On mythopoetic representations reflected in the Indo-European designations of heaven and earth]. *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – IX* [Indo-European linguistics and Classical philology – IX]. St. Petersburg, 2005, pp. 123–128. (In Russian).
7. Neuser W. Strukturnye izmeneniya v posttraditsionnom obshchestve [Structural changes in a posttraditional society]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Herald of Vyatka State Humanities University*, 2009, no. 2-1, pp. 20–24. (In Russian).
8. Orekhovsky P.A., Razumov V.I. Nastuplenie nartsissicheskoi kul'tury: posledstviya dlya obrazovaniya, nauki i politiki [The onset of narcissistic culture: consequences for education, science and politics]. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 84–102. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102.
9. Razinov Yu.A. Ot Edipa k Nartsissu: po krayam obshchestva potrebleniya [From Oedipus to Narcissus: on the edges of a consumer society]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya = Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*, 2019, no. 1 (25), pp. 3–14.
10. Solov'ev V.S. Chteniya o bogochelovechestve [Readings on God-manhood]. Solov'ev V.S. *Chteniya o bogochelovechestve. Stat'i. Stikhotvoreniya i poema. Iz «Treb razgovoro-*

rov»: *kratkaya povest' ob Antikhriste* [Readings on God-manhood. Articles. Poems and a poem. From "Three conversations": a short story about the Antichrist]. St. Petersburg, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994.

11. Taylor Ch. *A Secular Age*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press, 2007 (Russ. ed.: Taylor Ch. *Sekulyarnyi vek*. Moscow, BBI Publ., 2017. 967 p.).

12. Fromm E. *Dusha cheloveka* [The human soul]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 430 p. (In Russian).

13. Foucault M. *Istoriya seksual'nosti – III: Zabota o sebe* [The history of sexuality-III: Self-care]. Kiev, Dukh i litera Publ., Moscow, Refl-buk Publ., 1998. 282 p. (In Russian).

14. Fuller S. *Postpravda: Znaniye kak bor'ba za vlast'* [Post-truth: Knowledge as a struggle for power]. Moscow, HSE Publ., 2021. 368 p. (In Russian).

15. Eco U. Zametki na polyakh «Imeni rozy» [Notes on the margins of the "Name of the rose"]. Eco U. *Imya rozy* [The name of the rose]. Moscow, 1989, p. 427. (In Russian).

16. Eco U. *Pyat' esse na temy etiki* [Five Moral Pieces]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2003. 159 p. (In Russian).

17. Elias N. *Obshchestvo individov* [The Society of individuals]. Moscow, Praxis Publ., 2001. 336 p. (In Russian).

18. Cohen D., Nisbett R. Self-Protection and the Culture of Honor: Explaining Southern Violence. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1994, vol. 20, pp. 551–567.

19. Lasch C. *The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations*. New York, Norton, 1979. 268 p.

The article was received on 07.12.2021.

The article was reviewed on 26.12.2021.